

Глава 6

Пусть Лу Вэйлань и слыл никчёмным бездельником, в одном ему нельзя было отказать — он виртуозно ладил со своими домашними. Именно поэтому в семье Лу ему прощали любые выходки. Лу Минсы, по крайней мере, признавал, что сам никогда не решился бы на подобную беспардонность.

Видя, что Чэн Жань сияет от счастья, Лу Сяочжи не стал с порога устраивать разнос. Второй молодой господин Лу, мгновенно уловив момент, бросился к нему и стиснул в медвежьих объятиях.

— Пап, я тоже по тебе скучал!

Лу Сяочжи чуть смягчился и бросил короткое:

— Сначала ужин.

Когда подали блюда, Лу Вэйлань заметил, что большая часть из них — его любимые. Очевидно, Чэн Жань распорядилась об этом заранее. Юноша тут же выдал новый шквал медовых комплиментов, от которых у матери даже морщинки в уголках глаз стали глубже от улыбки.

Таков уж был характер Сяо Ци: он никогда не скупился на ответную теплоту, если чувствовал доброе отношение. За столом он то подливал суп Чэн Жань, то подкладывал лучший кусочек мяса Лу Сяочжи, а время от времени бросал жалобные взгляды на Лу Синчжи.

Второй брат, словно по наитию, мгновенно понимал, чего хочет «младшенький», и тут же пододвигал к нему нужное блюдо. Ужин в семье Лу проходил оживлённо. Лу Вэйлань ел с огромным удовольствием: хотя эти яства и не могли сравниться с изысканным супом из Чёрной черепахи, в них был свой неповторимый вкус.

Единственным, кто чувствовал себя не в своей тарелке, был Лу Минсы. За этим столом он ощущал себя инородным телом. Чэн Жань, вероятно, тоже это заметила и то и дело подкладывала ему еду, но от этого юноша казался себе ещё более чужим, а ситуация — неловкой.

Так было всегда: стоило Лу Вэйланю появиться, как Минсы превращался в лишнего. Именно поэтому он был твёрдо уверен, что им двоим не ужиться под одной крышей.

Наконец ужин закончился, и наступил час расплаты. Когда из динамиков телефона зазвучали знакомые вызывающие фразы, Лу Вэйлань даже не дрогнул. Напротив, он с гордостью объявил:

— Да, я всё решил. После выпуска уеду в деревню — разводить свиней и выращивать овощи.

В его голосе звучало столько пафоса, будто он собирался после диплома покорять открытый космос.

Чэн Жань коснулась ладонью лба сына, подозревая, не начался ли у него жар на почве безумия. Лу Сяочжи, видя, что тот ни капли не раскаивается, окончательно вышел из себя:

— Даже не думай! Можешь бить баклуши до конца дней, но никаких свиней!

— Я знаю, что порог вхождения в свиноводство довольно высок, но я уже усердно учусь. К выпуску я обязательно получу диплом и всё необходимое.

Юноша был полон уверенности. Что бы ни говорили остальные, а свиней и капусту он не бросит.

В гостиной воцарилось странное, тяжёлое молчание. Видя, как багровеет лицо мужа, Чэн Жань поспешила вмешаться:

— Обсудим это, когда получишь диплом.

Какова бы ни была причина, если сын действительно возьмётся за учёбу — это уже хорошо. До выпуска оставалось ещё четыре года; зная переменчивый нрав Лу Вэйланя, она была уверена, что он забудет об этой затее через пару месяцев.

Лу Сяочжи промолчал, тем самым принимая предложение жены.

Лу Минсы не верил своим ушам.

«И это всё? — негодовал он. — Весь гнев отца сошёл на нет из-за такой нелепицы?»

Ощущение было такое, словно он со всей силы ударил кулаком в мешок с ватой — противно и обидно, но выказать своё недовольство сейчас он не мог.

***

Система 6362 мысленно аплодировала своему хосту. По крайней мере, Лу Вэйлань ни на йоту не вышел из образа ваньку, и это заслуживало похвалы. Конечно, если бы при этом он не грезил о свиноферме, было бы совсем замечательно.

***

Вечер подошёл к концу, пришло время расходиться по комнатам. Когда Сяо Ци привычно

направился к своей спальне, настроение Лу Минсы вновь поползло вверх. Стоило Лу Вэйланю толкнуть дверь, как «настоящий» наследник тут же принял растерянный и виноватый вид.

Глядя на знакомую дверь и совершенно чужую обстановку внутри, юноша замер на добрый десяток секунд. Затем он резко обернулся к стоящим внизу родственникам. Тепло и уют семейного ужина испарились без следа. Все смотрели на него, и у каждого на лице застыло своё выражение.

Лу Сяочжи был суров, как и всегда. Чэн Жань выглядела обеспокоенной, но в её глазах читалось ожидание. Лу Синчжи оставался беспристрастным, а Лу Минсы неловко улыбался, пряча в глубине взгляда искру провокации.

Эта комната была самой светлой и уютной во всём особняке, и когда-то Лу Вэйлань первым выбрал её для себя. Для него это место было символом его положения в семье. Теперь же у комнаты сменился хозяин. А ведь всего несколько минут назад он смеялся вместе с родителями, будто ничего не изменилось.

— Что это значит? — голос Лу Вэйлани слегка дрогнул, хотя он явно пытался сохранить самообладание.

— Минсы только приехал и может не прижиться. В твоей комнате лучшее освещение, так что уступи её брату, — ответил Лу Сяочжи тоном, не терпящим возражений.

Чэн Жань согласно кивнула:

— Мы теперь одна семья, неважно, кто где спит.

Лу Синчжи указал на одну из гостевых комнат на первом этаже:

— Твоя новая спальня там. Там тоже неплохо, я уже распорядился всё подготовить.

Последним подал голос Лу Минсы:

— Вэйлань, папа и мама сделали это ради меня. Если хочешь злиться — злись на меня. Мне-то, на самом деле, всё равно где жить...

Очевидно, обитатели особняка давно всё решили. Они пытались найти баланс между тем, кого вырастили, и тем, кто был им родным по крови. И в итоге решили, что уступить должен Лу Вэйлань.

Однако избалованный юноша не мог принять этот факт. Лицемерное смирение соперника и вовсе привело его в ярость. Не тратя слов на любезности, он с размаху пнул дверь.

— Вот как? Всё равно где жить? — тот указал пальцем на комнату, сверля взглядом Лу Минсы.
— Тогда выметайся отсюда прямо сейчас!

Многолетнее влияние вспыльчивого отца дало о себе знать: в ярости Лу Вэйлань выглядел по-настоящему пугающе. В особняке снова повисла мёртвая тишина.

Улыбка Лу Минсы на мгновение застыла. Он посмотрел на разъярённого Сяо Ци на втором этаже и медленно поднялся с места, изображая покорность:

— Вэйлань, не сердись. Я ухожу.

Лу Вэйлань лишь презрительно хмыкнул, глядя на него сверху вниз, словно лев, защищающий свою территорию.

— Стоять! — Лу Сяочжи с грохотом опустил чашку на столик. — Решение принято. Кто не хочет здесь жить — может убраться из дома!

Лу Минсы вскинул голову, глядя на брата с видом человека, разрываемого внутренними противоречиями. Глаза Сяо Ци покраснели, он не верил своим ушам.

— Пап... ты что, выгоняешь меня?

— Никто тебя не выгоняет. Это просто комната! Сколько ты будешь капризничать? Неужели двадцать лет моей заботы стоят меньше, чем одна спальня? — Лу Сяочжи нахмурился, считая поведение сына обычной истерикой.

Чэн Жань поманила Лу Вэйланя рукой:

— Ну же, это всего лишь комната. У тебя есть другие виллы, которые я тебе купила. Твой второй брат как раз хотел с тобой поговорить по душам в эти дни...

— Сегодня — комната, а что завтра? — Лу Вэйлань не собирался идти на попятную. Он упрямо отказывался делать первый шаг к примирению, чувствуя: стоит ему отступить сейчас, и он начнёт терять всё, пока не останется ни с чем.

В глазах остальных его позиция выглядела фанатичным упрямством. Не оказавшись на его месте, невозможно было прочувствовать эту боль.

Лишь вернувшийся после перерождения Лу Минсы понимал, что происходит. Именно поэтому он и нанёс удар в самое больное место. Из опыта прошлой жизни он знал, как много значила эта спальня для Лу Вэйланя, и в этот раз решил победить одним ходом. Лу Вэйлань был прав: спальня — это лишь начало. Один шаг назад потянет за собой остальные; когда первая линия

обороны прорвана, сдаваться будет всё легче и легче.

Лу Сяочжи и Чэн Жань не видели в смене комнат никакой проблемы. Как и сказала мать, за эти годы они дали Лу Вэйланю гораздо больше, чем одну спальню. Они искренне считали, что долг за двадцать лет воспитания весит куда больше, чем право на кровать в конкретном углу дома.

— Повторяю: не нравится — проваливай! — упрямство сына окончательно истощило терпение отца. В душе Лу Сяочжи росло разочарование.

После этих слов Лу Вэйлань, который всегда лез на рожон, не мог остаться. Он бросился к лестнице, но на полпути к выходу увидел Лу Минсы и внезапно замер.

Лу Сяочжи решил, что Сяо Ци одумался:

— Вот и славно. Раз ты всё осознал, ступай посмотри свою...

Договорить он не успел. Лу Вэйлань внезапно оскалился в улыбке, глядя прямо на Лу Минсы:

— Я всё осознал. Уходить вот так — слишком большая потеря!

У Лу Минсы возникло недоброе предчувствие. В прошлой жизни он часто видел такую улыбку у Лу Вэйланя, и каждый раз за ней следовала какая-нибудь катастрофа.

Предчувствие его не обмануло. Прежде чем кто-то успел среагировать, Лу Вэйлань развернулся и взлетел обратно на второй этаж. Он ворвался в бывшую спальню, и через мгновение снизу донёсся грохот ломающейся мебели и звон разбитого стекла. Вскоре из окна на газон с тяжёлым глухим звуком что-то рухнуло.

Лу Минсы первым понял, что происходит. Несмотря на весь опыт прожитых лет, его затрясло от ярости. Он знал, что Лу Вэйлань безрассуден, но не ожидал, что тот осмелится разгромить собственную комнату на глазах у родителей.

Остальные трое замерли в оцепенении, когда с балкона второго этажа вылетел и вдребезги разбился дорогой ноутбук. Они просто не могли поверить в реальность происходящего.

— Мерзавец! — Лу Сяочжи едва не задохнулся от гнева. Впервые он воочию увидел, что значит вырастить настоящего ваньку. — Остановите его! Живо!

Слуги благоразумно исчезли, как только запахло скандалом, так что наверх бросились только Лу Синчжи и Лу Минсы. Ворвавшись в спальню, они застали там полный хаос.

Лу Синчжи и не подозревал, что в его брате спит такой талант к разрушению. Лицо же Лу Минсы исказилось в гримасе бешенства. Он не понимал логики Лу Вэйланя: в его представлении, отдать комнату — значило проиграть позицию, но разгромить её — значило окончательно порвать с семьёй Лу.

Когда они попытались схватить буяна, Лу Вэйлань сам остановился. Впрочем, это уже не имело значения: всё, что могло разбиться, превратилось в осколки. Вещи летели в окна и двери — комната выглядела так, будто по ней прошёл торнадо.

Лу Вэйлань подошёл к Лу Минсы и с силой ткнул его пальцем в плечо:

— Хотел мою комнату? Что ж, забирай. Она твоя.

С этими словами он развернулся и вышел. В этот раз он не стал ни с кем прощаться. Распахнув массивные двери особняка, он скрылся в сумерках, едва разбавленных светом уличных фонарей.

<http://bllate.org/book/15806/1422699>